
А.Л. ВОЛЫНСКИЙ О «ПРИЧИНАХ УПАДКА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1890-Е ГГ.

И.И. Пименова

Кафедра иностранных языков юридического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений литературной критики и русской литературы в творчестве редактора, литературного критика журнала «Северный вестник» А.Л. Волынского в 1890-е гг. В условиях культурного кризиса Волынский решительно боролся против материализма и утилитаризма в литературе.

Ключевые слова: литература, литературная критика, публицистика, идеализм, материализм, утилитаризм, эстетика, интеллигенция, «Северный вестник».

В 1893 г. вышла из печати книга начинающего писателя Д.С. Мережковского «О причинах упадка и новейших течениях современной русской литературы», вызвавшая шквал критических оценок. Одним из критиков Мережковского стал Аким Львович Волынский (Флексер), публицист, искусствовед, редактор журнала «Северный вестник».

Этот журнал стал в авангарде борьбы против идейного и эстетического наследия 1860-х гг., ассоциируемого с именами русских критиков — Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и их последователей в 1880—90-е гг. — А.М. Скабичевского, Н.К. Михайловского, В.Г. Короленко.

Острота идейной полемики вызывалась, прежде всего, тем обстоятельством, что в ее основе лежали споры об общественной роли литературы и литературной критики, поскольку литература являлась формой выражения социального сознания интеллигенции. В традициях шестидесятников — Чернышевского, Добролюбова, Писарева — литература должна была служить потребностям изменения действительности, борьбы с социальной несправедливостью и злом. Чернышевский емко сформулировал свое эстетическое кредо знаменитой формулой — «прекрасное есть жизнь».

Установка на служение литературы «утилитарным» политическим задачам, отстаиваемая критиками-шестидесятниками, означала отказ от принципа «чистого искусства», подмену вопросов эстетических, художественных идейно-политической проблематикой.

Эта установка довлела практически над всеми основными изданиями пореформенной эпохи, господствовала в отечественной журналистике, в журналах «Русское богатство», ранее — в «Отечественных записках», «Вестнике Европы».

Следует отметить, что и новая тогда марксистская журналистика также стояла на почве литературного радикализма и утилитаризма 1860-х гг. (А.М. Горький, Г.В. Плеханов).

Между тем именно в 1880—90-е гг. происходит перелом в сознании интеллигенции, который можно определить как мировоззренческий кризис, проявив-

шийся в смене идейно-философских акцентов. Интеллигенция все более и более отходила от материализма, обращалась к идеалистическому и религиозному пониманию жизни.

В 1890-е гг. в моду входит неокантианство с характерным для него компромиссом между идеализмом и материализмом. Жажда поиска смысла жизни заставляет известных писателей — Л. Толстого, В. Соловьева, затем — Д.С. Мережковского и В.В. Розанова формулировать «новое религиозное сознание», или даже как у Мережковского — религию «третьего завета».

Не вдаваясь в подробности этой темы, заслуживающей самостоятельного изучения, следует отметить, что первопроходцем в борьбе за идеализм стал Аким Волынский, который громогласно, а то и скандально низвергал кумиров 1860-х гг. Он, по сути, выступил против течения радикальной, оппозиционной интеллигенции, заявил новую эстетику, подверг критике господствующие со времен Чернышевского эстетические парадигмы.

Безусловно, Волынский как идеолог «раннего символизма» и идеализма не мог в советском литературоведении оцениваться положительно, хотя стараниями Куприяновского его творчество было в существенной степени изучено [2]. Советская историография «Северного Вестника» опиралась на эстетические заветы Чернышевского, что в существенной степени затруднило понимание как литературного процесса, так и многообразия идейно-эстетической борьбы.

Так, духом неприятия Волынского пропитано творчество А.М. Горького. Не приемля статей Волынского, публиковавшихся в «Северном Вестнике», Горький в фельетоне из цикла «Между прочим» отмечал, что в «этом журнале засел и во всю мочь свищет малосенький Соловей-разбойник, господин Волынский...» [3].

15—16/28—29 мая 1908 г., отказываясь переиздать в «Знании» книгу Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1899) [4], Горький писал Пятницкому: «Не люблю я эту лису. Его книга о „Русских критиках“ — все-таки плохая книга, говоря мягко. А „Книга великого гнева“ — просто подлая. В ней он якобы устами Достоевского поносит людей, коих можно уличить в ошибках, но нельзя не уважать. Антиреволюционная книга, как хотите... Он основоположник того направления, коему столь усердно служат ныне Минские, Мережковские и т.д. Это — его ученики, чтоб они не говорили и как бы он не отрекался от них» [4. С. 951].

Не менее негативно смотрел на Волынского Г.В. Плеханов. «По пальто встречают, по уму провожают — говорит пословица. В жизни очень нехорошо встречать людей по пальто, но в „республике слова“ это не только позволительно, а прямо неизбежно... Литературная внешность книги г. Волынского не только кричит, а прямо надо говорить — вопит против него» [5].

Между тем оценки Волынским отечественного литературного процесса во многом были проницательными и справедливыми.

Рецензируя книгу Д.С. Мережковского, Волынский сам формулировал свое понимание «упадка русской литературы». Свое эстетическое кредо он заявлял на страницах «отдела критики» журнала «Северный вестник», публикуя ежемесячные «Литературные заметки».

Оценивая труд Мережковского, Волынский высказывался резко, но справедливо. «На этой книжке стоит остановиться. В ней не видно критического таланта, продуманной теоретической мысли, но она все-таки интересна» [6. С. 108].

По мнению Волынского, главный недостаток Мережковского как писателя в том, что «он ритор, и в этом его большое несчастье» [6. С. 109].

Теоретически слабым местом сочинения Мережковского Волынский считал его тезис о том, что в России нет великой литературы.

Небесспорным он считал и заявление Мережковского о том, что «Литература — та же поэзия, но только рассматриваемая не с точки зрения индивидуального творчества отдельных художников, а как сила, движущая целые поколения, целые народы по известному культурному пути, как преемственность поэтических явлений, передаваемых из века в век и объединенных великим историческим началом! Это его основное положение... В России были великие поэтические явления, но не было истинно великой литературы...» [6. С. 110].

Отмечая в размышлениях Мережковского отсутствие «порядка и системы», Волынский заявляет вопреки тезису Мережковского о величии русской литературы, которое обусловлено «богатством талантов», «роскошью языка», «нравственной чистотой».

«Мы говорим о *великой* (курсив А. Волынского) русской литературе, которая еще не стала преданием, но которая с каждым днем отодвигается назад, не находя новых людей, способных служить ей так, как служил и Тургенев, Достоевский, как служит и служил граф Л. Толстой» [6. С. 121].

Волынский полагал, что в основе литературного творчества должны лежать три великих идеи — философия, наука, религия.

Одновременно он рассматривал их в качестве трех ступеней духовного возрастания личности.

Оценивая творчество А.П. Чехова, его рассказ «Палата № 6», отдавая дань его таланту, «ударившему по открытому совершенно беззащитному нерву русской жизни», Волынский подчеркивал, что герои писателя проповедуют ценность практических дел. «Все, что не служит сегодняшнему дню нереально, бесплодно, реакционно! Сапожник, один только сапожник имеет в руках своих положительное гражданское дело... Шире дорогу сапожнику, сапожник идет!» [7. С. 132]. Согласно позиции Волынского, «нельзя писателю не понимать, что мысль человеческая, сама по себе, если только она проникнута силой правды, искренним уважением, есть уже настоящее великое дело. Ничто не может сравниться с деятельностью людей науки и философии. Ничто не имеет такого важного исторического значения, как разработка метафизических и нравственных вопросов» [7. С. 133].

Русская литература, призванная обращать людей к метафизическим вечным вопросам добра и зла, оказалась лишенной своих истолкователей, критиков.

Более того, критика в России оказалась силой антилитературной. Сложился вековечный разлад литературы и критики: «...Между русской поэзией и русской критикой разлад вечный, и если первая создана совокупностью всех творческих сил русского общества, то вторая явилась результатом очень скудного запаса об-

разования, крайне узкого, одностороннего развития, которое не шло дальше ординарных, буржуазных взглядов и требований. Отсюда получилось следующее: все, что было в России талантливое, оригинальное, шло вразрез с русской публицистической критикой... Литература в лице Тургенева, Достоевского, Толстого продолжала дело Пушкина в то самое время, когда люди с ограниченным публицистическим дарованием... вели ожесточенную войну против эстетики, законов искусства...» [8. С. 122].

Констатировав глубокий разлад между критикой и литературой, Волынский обрушился на критиков шестидесятых, на их эстетику, на их подходы к оцениванию литературных явлений.

Проблему кризиса литературы Волынский рассмотрел в историческом контексте. Нападки критиков на литературу он объясняет своеобразием исторической жизни России и положением в ней писателя.

Россия, по мнению, Волынского — это «обломовка», порожденная рядом исторических условий: «заимствованным Просвещением», «умственной апатией масс», «централизацией всей культурной работы в руках немногих» [9. С. 117].

С такой оценкой трудно не согласиться, поскольку культурный прогресс в России тесным образом был связан с европеизацией дворянской элиты, оторванной от традиционной жизни народа. В итоге, в условиях культурной пассивности народа, поистине подлинным выразителем общественных потребностей становится писатель. «Русский обыватель не двинется с места, пока его не поведет за руку писатель» [9. С. 117].

«В Обломовке писатель и, вообще, всякий к чему-либо способный человек должен заниматься чужим делом и, за отсутствием энергичных борцов на практическом поприще, становится в ряды земских и иных деятелей своей страны. В Обломовке писатель делается слугой Обломовцев... Обломов ничего не делает, спит, пренебрегает своими прямыми обязанностями, а писатель разрывается на части, ратуя за земскую правду, за интересы народа. Таково положение дел в Обломовке... Если вы пишете на отвлеченную философскую тему, не забудьте намекнуть, что в Обломовке не все благополучно. Если Вы пишете о законах искусства, творчества, красоты, не смейте упустить из виду, что экономические условия Обломовки нуждаются в переделках, требующих предприимчивых и смелых работников. Если вы пишете о Шекспире, о Данте, ради Бога — сумейте вставить подходящее, зажигательное слово о полиции, безопасности и благосостоянии, что писатель, отдаваясь своему труду, хлопочет не о своих собственных интересах! Вот когда обломовцы будут в восторге и признают, что литература есть не пустая забава...» [9. С. 118].

Таким образом, отчужденность народа от политической жизни породила нездоровую ситуацию, когда писатель вместо того, чтобы заниматься собственно эстетическими вопросами, заменяет собой политического деятеля, происходит странная подмена эстетики политикой.

Трудно не согласиться с утверждением Волынского, что «философия и искусство имеют свои самостоятельные задачи, которые нельзя смешивать с сравни-

тельно узкой и неотложной задачей того, что можно было бы назвать *социальной публицистикой*» [9. С. 118].

Такая специфическая ситуация, при которой писатель становится общественным деятелем, по мнению Акима Вольнского, связана с направленностью русской литературной критики.

Во-первых, по мнению Вольнского, литературная критика должна четко осознавать свои задачи.

Задачи эти по преимуществу должны иметь характер эстетический и психологический, в «подчинении основным теоремам философии». «...Критика должна отчетливо разграничить свою деятельность от деятельности социального публициста. Иначе произойдет путаница, которая обессилит ее, создаст для нее совершенно случайные критерии и, напротив, все ее стремления и задачи, ей вовсе не свойственные, а настоящие цели и законы искусства останутся неразъясненными, забытыми...» [9. С. 119].

Во-вторых, необходимо четко понимать предмет самой критики. Отвечая полемической статье, опубликованной на страницах «Вестника Европы», редактор «Северного Вестника» оспаривает тезис либерального журнала о том, что «критика поддерживает писателя своим пониманием и сочувствием, если она служит посредницей между писателем и читателями».

Вольнский негодуя замечает, что: «Поддержка (выделено А.Л. Вольнским) писателя не может быть самостоятельной задачей для литературной критики. Не в поддержке же дело, а именно в — понимании законов искусства... Литературная критика есть самостоятельная философская дисциплина, имеющая свой метод, свой строго очерченный предмет, свою совершенно определенную цель, связанную не с утилитарно-общественными запросами времени, а с вечными идеалистическими потребностями общественной культуры... Литературная критика, по нашему твердому убеждению, одинаково нелепа, и в комической роли навязчивой советчицы художникам и поэтам, и в претенциозной роли авторитетной патронессы искусства в глазах публики» [9. С. 119].

Наконец, «упадок русской литературы» порожден господством в 1860-х гг. «лживых идей», слабым развитием философской культуры, наиболее определенно выразившейся в трудах Писарева, Чернышевского, Михайловского.

«В том-то и дело, что „Эстетические отношения искусства к действительности“, имевшие такое роковое влияние на всю журнальную критику, представляют собой... настоящий свод мертвящих критериев, целую программу войны против искусства, с поразительным смешением элементарных эстетических истин, с самой невероятной логической аргументацией...» [9. С. 120].

Эти «детские силенки», по выражению критика «Северного Вестника», были брошены против литературы. «Вспомните историю Пушкина в России. Вспомните, что эту истинную гордость России... эту огромную и подлинную силу, человек такого сравнительно малого развития, как Писарев, мог надолго отрезать от русского общества. Вспомните историю Гоголя. Вспомните, что даже Белинский — эта тонкая, светлая душа, это чуткое сердце, — ложно истолковал и осудил тот возвышенный трагический пафос, те мучительно вдохновенные настроения, которыми раска-

лена была деятельность его последних лет. Не забудьте о том проклятии, которое и поныне еще тяготеет на одной из самых лучших русских книг — несмотря на все ее частные ошибки — на откровенной, честной исповеди, вылившейся в пламенном экстазе в знаменитой «Переписке с друзьями» [9. С. 123].

Правота и правомерность такой критики была отмечена в отечественном литературоведении П. Куприяновским. Но при этом советские историки литературы в целом продолжали стоять на эстетике шестидесятых.

Безусловно, критический пафос Волынского по отношению к «святыням», к наследию шестидесятников раздражал кумиров интеллигенции. Он, по сути, был подвергнут литературному остракизму. Михайловский выдвигал радикальное средство борьбы с Волынским: «не читать!».

И, тем не менее, его роль как человека, шедшего «против течения», монополии материалистического и утилитарного сознания интеллигенции, имела исключительное значение. Его критика стала прологом усложнения эстетических представлений, рождения символизма, пробуждения идеалистических настроений в творчестве Трубецкого, Розанова, Бердяева и др.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. — СПб, 1893.
- [2] *Куприяновский П.А.* Волынский — критик (литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. — Иваново, 1978.
- [3] Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. — М., 1988.
- [4] *Волынский А.Л.* «Леонардо да Винчи». — СПб., 1899.
- [5] *Плеханов Г.В.* Сочинения. — М.—СПб., 1922. — Т. X.
- [6] *Волынский А.Л.* «Литературные заметки» // Северный вестник. — 1893. — № 5.
- [7] *Волынский А.Л.* «Литературные заметки» // Северный вестник. — 1893. — № 3.
- [8] *Волынский А.Л.* «Ответ «Вестнику Европы»» // Северный вестник. — 1893. — № 6.

A.L. VOLINSKIY ABOUT THE REASONS OF DECAY IN RUSSIAN LITERATURE IN 1890-S

I.I. Pimenova

Foreign language department of law faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article reveals the problems of relationship of literary criticism and Russian literature in the works of A.L. Volinskiy in 1890-s, who was fainting against materialism in literature.

Key words: literature, literary criticism, idealism, materialism, "Severnii vestnik".